

А.М. Лукашевич

П.И. БАГРАТИОН И ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ ПО СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ОХВАТУ И УДАРУ В ТЫЛ ВЕЛИКОЙ АРМИИ (ИЮНЬ 1812 г.)

Подготовка Российской империи к будущей войне против наполеоновской Франции носила противоречивый характер. Отсутствие к началу 1812 г. официально утверждённого варианта ведения войны порождало состояние неопределённости в командных кругах армии. Поэтому ряд высокопоставленных военачальников (князь П.И. Багратион, герцог А. Вюртембергский, Л.Л. Беннигсен и др.) и молодых офицеров квартирмейстерской службы (К.Ф. Толь, П.А. Чуйкевич, Я.П. Гавердовский, И.И. Дибич и др.) предлагали свои оперативные планы. Каждый из этих проектов заслуживает отдельного внимания. Поэтому в данной статье остановимся на подробном разборе операций по стратегическому охвату и удару в тыл Великой армии, предложенных М.Б. Барклаем де Толли и П.И. Багратионом в начале июня 1812 г.

Заключение союзного договора между Францией и Австрией (март 1812 г.) привело к окончательному отказу российского командования от планов проведения наступательной операции. В мае 1812 г. было принято решение о разделе 2-й Западной армии на две: 2-ю армию нового состава и 3-ю Обсервационную (резервную), не обеспеченную собственным кадровым составом. Это значительно ослабило силы П.И. Багратиона, армия которого была сокращена на треть.

В мае 1812 г. в довольно сжатые сроки войска 2-й Западной армии были передислоцированы в Гродненскую губернию на спешно подготовленные места, которые освобождались войсками 6-го корпуса И.Н. Эссена. Оперативный марш-манёвр армии П.И. Багратио-

на производился под прикрытием казачьих войск, которые должны были скрыть от польско-французской разведки сближение российских армий. Для осуществления этой сложной операции создавалась дополнительная продовольственная база.

Однако, несмотря на сближение армий, российское командование в мае 1812 г. не имело точных данных о стратегических планах противника и месте главного удара. Поэтому оно было вынуждено «на ходу» вносить корректировки в дислокацию войск в приграничных районах. По мере выдвижения Великой армии на исходные рубежи, благодаря поступавшим разведывательным данным, стало очевидно, что Наполеон сосредоточил основные силы в Восточной Пруссии. По мнению М.Б. Барклая де Толли, противник направит главный удар против центра 1-й Западной армии. Поэтому с началом военных действий все казачьи полки Западных армий должны были объединиться под командованием атамана М.И. Платова в «летучий корпус».

21 мая 1812 г. военный министр сообщил М.И. Платову о передислокации, размещении и составе 2-й Западной армии и о том, что она займет всю дистанцию, которую ранее охранял корпус И.Н. Эссена. Поскольку в армии П.И. Багратиона находилось девять казачьих полков, их следовало расположить по кордонам. Поэтому М.Б. Барклай де Толли рекомендовал атаману немедленно связаться с главнокомандующим и «иметь с ним взаимное наблюдение по границе над неприятелем и подавать в нужных случаях один другому помощь, сообщая ему и все сведения, какие вы будете иметь о неприятеле». Военный министр также сообщил, что из корпуса П.А. Шувалова в Гродно выделяется авангард под командованием генерал-майора И.С. Дорохова (Изыумский гусарский полк, один казачий полк, который займет дистанцию по Лососне от Гродно до Олиты, 1-й и 18-й егерские полки с «соразмерным числом артиллерии»). Этот авангард «подкрепит» часть казачьего корпуса, которая будет отступать на Гродно¹.

Одновременно М.Б. Барклай де Толли сформулировал задачи корпусу М.И. Платова и 2-й Западной армии. В случае вторжения неприятеля в российские пределы казачий корпус должен «стараться взять в левый фланг его, а в то же время и князь Багратион своими иррегулярными войсками стараться будет взять в правый фланг неприятельский». «Сим неожиданным на фланги нападением, – резюмировал военный министр, – вы можете его расстроить и принудить к отступлению»².

Операция по возможному охвату Великой армии во время переправы на участке Ковно – Гродно вызвала сомнения у П.И. Багратиона. По мнению главнокомандующего, в этом районе не будет переправы, а все приготовления – всего лишь демонстрация, призванная отвлечь 2-ю Западную армию от действительного места вторжения в районе Влодава – Брест-Литовск.

Едва П.И. Багратион прибыл к Пружанам, как сведения о сосредоточении большей части Великой армии между Ковно и Меречем вызвали новые распоряжения о ещё большем сближении Западных армий³. 1 июня 1812 г. М.Б. Барклай де Толли отправил П.И. Багратиону приказания императора Александра I о новом сближении войск 2-й Западной армии, перемене квартир, а также план *«возможных операций и других предметов в оный входящих»*⁴.

Получив эти распоряжения, 3 июня П.И. Багратион приступил к их исполнению. Поскольку в предписаниях указывалось, что 6-й корпус передаётся из состава 2-й Западной армии в 1-ю армию, князь назначил маршруты на его передислокацию к Эйшишкам и Василюшкам (район Лиды). Войска 2-й Западной армии также получили новые маршруты для перехода в район Волковыска. В этот же уездный центр князь планировал перенести и свою Главную квартиру⁵.

Одновременно П.И. Багратион, согласно предписаниям, отдал указания командиру иррегулярных частей своей армии генералу Н.В. Иловайскому 5-му о двойном подчинении казачьих полков 2-й Западной армии (себе и М.И. Платову) и об отделении от армии трёх его полков⁶. Не удивительно, что князь остался недоволен подобным решением, которое ограничивало возможности 2-й Западной армии. По его мнению, иррегулярные войска, призванные охранять армию и наблюдать «за движениями неприятеля», станут бесполезными, если получат отдельного начальника. П.И. Багратион считал, что, поскольку казачьи полки разбросаны, они должны оставаться в «непосредственной зависимости от начальствующих армиями». В подчинение М.И. Платова они должны поступать «под временное начальство», когда «обстоятельства потребуют всем им свернуться в одну массу для нанесения неприятелю удара или беспокойств»⁷.

Определённые сомнения в целесообразности отделения корпуса М.И. Платова высказывал и генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии М.С. Вистицкий. «Для чего казачьи полки отделены были от

1 армии, – задавался вопросом генерал, – когда они могут быть полезны только при прочих войсках?»⁸.

6 июня М.Б. Барклай де Толли приказал полкам корпуса М.И. Платова расположиться возле Гродно. При этом казачьи полки 2-й Западной армии, поступившие в подчинение атамана, остались в оперативном распоряжении П.И. Багратиона⁹.

В тот же день, 6 июня 1812 г., в письме к Александру I (из Пружан) П.И. Багратион высказал свое мнение относительно плана военных действий. Он обратил внимание монарха на то, что мысль о вероятном отступлении подрывает дух армии и предлагал, «не дожидая нападения, противустать неприятелю в его пределах»¹⁰. Свое предложение он обосновывал рядом причин. Во-первых, по мнению главнокомандующего, коммуникации армий слишком растянуты, что не позволит одной из них в случае нападения поддержать другую. Во-вторых, если войска планируют отражать нападение, то они слишком приближены к границе. В-третьих, в случае обнаружения направления движения противника, быстрота его маршей не позволит произвести экстренное сближение армий¹¹. Поэтому П.И. Багратион, надеясь на нейтралитет Австрии (он не знал «политических обстоятельств» в отношении её намерений), предлагал приблизить правый фланг 3-й Обсервационной армии к Кобрину, чтобы прикрыть Пинск¹².

Впрочем, П.И. Багратион не ограничился официальной перепиской. 8 июня 1812 г. князь написал императору собственноручное, крайне эмоциональное письмо, в котором просил разрешения атаковать противника. Позволим себе привести его здесь полностью.

«Государь! От преданности доношу: не отнимайте у воинов твоих дух; прикажите нам собраться у Гродно и нанести удар врагам. Всякое отступление ободряет неприятеля и дает ему великие способы в краю здешнем, а у нас отнимет дух. Жаль истинно и последствия будут самые пагубные. Чего нам бояться и манёврами методическими изнурять армию? *Неприятель, собранный на разных пунктах, есть суцая сволочь*, а мы твои великий Государь! Чего опасаться? Ты с нами, а Россия за нами. Прикажи, помолясь Богу, наступать, а ежели отступать станем, они во многих пунктах войдут и возмутят; тогда больше восстанут и австрийцы и мир турецкий не будет прочный. Хлеба достанет в том, вас уверяю, а до нового не далеко. Иначе он всем воспользуется, а мы потеряем и славу и честь, для того что всякое отступление в своем краю есть ослабление души и сердца всех

твоих верных детей. Мы тебя любим, ты нам дорог, Государь! Прошу яко Бога моего не щадить нас и двинуться на врагов. Я присягал тебе служить верно и мы твои. Иноверцы не могут так усердно судить, ибо они ничего не рискуют, а мы все. Военная система по-моему та: кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал.

Всемиловейший Государь! Я дерзаю писать то, что чувства мои и вера к вам диктует. Повергаясь подножию вашего величества есмь верноподданный»¹³. Однако этот пламенный призыв остался без ответа.

9 июня 1812 г., выполняя приказ военного министра, М.И. Платов начал постепенный отвод казачьих полков из Белостокской области к Гродно. Первыми были отправлены Симферопольский и Пермский конно-татарские и 1-й Башкирский полки, расположенные от Белостока в сторону р. Нарев. 10 мая выступили три донских полка: А.К. Денисова 6-го, С.Д. Иловайского 8-го и К.И. Харитонов 7-го. Сам М.И. Платов собирался 11 июня с Атаманским полком и 2-й ротой Донской конной артиллерии также выступить из Белостока «к назначенному пункту»¹⁴.

В Белостоке на время атаман оставил генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го с полком. И, как писал М.И. Платов П.И. Багратиону, это сделано для того, чтобы «не подать жителям оного и окружающих мест сомнительного влияния, могущего родиться в них от теперешнего отступления моего, и для успокоения здешнего правления вообще и частно должностных людей, хотя и не имею я достаточного числа войск»¹⁵. В подчинение И.Д. Иловайского 4-го переходили и «все пограничные посты прежде от корпуса... занимаемые».

В тот же день 9 июня военный министр выслал П.И. Багратиону копию повеления генералу А.П. Тормасову «относительно сосредоточения 3-х пехотных и 2-х кавалерийских дивизий при Луцке, и оставления для наблюдения австрийских границ у Староконстантинова 36-ю дивизиею с частью кавалерии»¹⁶.

Однако П.И. Багратион считал, что этого сближения недостаточно. По мнению главнокомандующего, главный удар будет наноситься противником через Волынскую губернию встык 2-й и 3-й армий. Свои аргументы он излагал следующим образом в письме от 12 июня из Волковыска: «Я не могу думать иначе, как неприятель до сих пор делает одну лишь демонстрацию, и что его точное стремление не должно быть на те пункты, где его более ожидаем. Его выгода неременная разделить наши силы и он, по мнению моему, будет ста-

раться воспользоваться сим, как имел честь докладывать выше, у Устилуга, Влодавы и Бреста.

Так думать позволяет мне навык видеть его диверсии и собственная мысль, что если бы я должен был действовать противу расположения войск, подобно нашему, то предпринимая удобнейше, воспользовался бы на одном из выше упомянутых пунктов.

Неприятель не может не видеть, что при действительном впадении его в границы наши, чем он ближе будет к морю, тем более рискует быть отрезанным и истреблённым. Из чего заключить следует, что сосредоточение сил неприятельских между Гродно и Ковно есть не что иное, как желание отвлечь наши силы от пунктов настоящих его стремления.

Впрочем моё мнение как основанное на простом понятии, без смещения выводов политических и других неизвестных мне до селе и обстоятельств сходящих в круг предположений о военных операциях, может быть и не будут сообразно с теми видами, по коим делаются войсками нашими направление»¹⁷.

Поэтому П.И. Багратион просил императора (через военного министра) разрешения на большее приближение армии А.П. Торماسова к своему левому флангу. Основные силы 3-й армии он предлагал выдвинуть к Ковелю¹⁸, а правый фланг расположить между Дивинном и Кобрином. 2-й резервный корпус Ф.Ф. Эртеля князь рекомендовал передислоцировать из Мозыря к Пинску¹⁹, а два казачьих полка при нём передать 2-й Западной армии²⁰. Более того, П.И. Багратион считал, что в нынешнем положении, при удалённости 6-го корпуса, он не сможет прикрыть границу на участке Гродно – Белосток²¹. Однако это письмо было получено военным министром только 16 июня, когда ситуация уже изменилась.

Тем временем, когда в Главной квартире было получено известие о начале переправы Великой армии в районе Ковно, военный министр рассматривал возможность нанесения флангового удара в тыл противнику войсками «летучего корпуса». Поэтому 12 июня М.И. Платову и П.И. Багратиону были отправлены соответствующие указания.

13 июня 1812 г. М.И. Платов прибыл с полками корпуса в Гродно, где получил от М.Б. Баркляя де Толли секретные указания от 12 июня: ему поручалось действовать на правый фланг и тыл противника, сосредоточенного между Меречем и Ковно. При этом 2-я Западная армия должна прикрывать «диверсию» М.И. Платова.

«Неприятель сегодня переправился близ Ковны, армия 1-я Западная сосредотачивается за Вильною и даст, может быть, сражение, – писал военный министр, – почему Его Императорское Величество повелеть соизволил, дабы Ваше высокопревосходительство, собрав с получения сего все ваши силы, пошли неприятелю решительно во фланг и тыл; князь Багратион должен вас подкреплять»²².

В тот же день, 13 июня, указания относительно диверсии получил и П.И. Багратион. И оба генерала высказали свои опасения относительно успеха этой операции. Во-первых, главнокомандующий обратил внимание на направление действия войск. «Не зная, какое точно сделано ген. Платову направление, – писал П.И. Багратион, – полагаю впрочем, что он не может иначе идти во фланг неприятелю, переправляющемуся между Мереча и Ковно, как правую стороною Немана, а потому мне остаётся только стараться опрокинуть те силы неприятеля, которые по нынешнему расположению своему в Тыкочин чрез Сураж вступят в наши границы»²³.

Во-вторых, главнокомандующий считал, что в случае наступления фланг его армии останется не прикрытым. «Противустать силам сего неприятеля я буду в состоянии, – рассуждал князь, – но при взгляде на предположение – собрать первую армию у Вильно для отпора неприятелю, не имея у себя на правом фланге никакого прикрытия, по чрезвычайной отдалённости 6-го корпуса и ко второй армии едва ли принадлежащего существенно, я останусь в большой опасности, чтобы быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только не быть отрезанным совершенно от 1-й Западной армии, но даже от предназначенной мне линии отступления. Ибо одно верное обозрение карты доказывает, что по отступлении 1-ой армии к Свенцянам, неприятель, заняв Вильно, может предупредить отступление 2-й армии в Минск и по краткости пути будет там прежде, нежели я достигну туда, отступая»²⁴.

В-третьих, П.И. Багратион считал, что после сокращения численности 2-й Западной армии будет очень сложно выполнить поставленную задачу. «Если бы вторая армия оставалась в первом ее состоянии, я бы мог, нанося часто вред неприятелю, уничтожать его и, в случае нужды, избрать безопаснейший путь отступления; но в настоящем её числе, едва превышающем сильный корпус, я поставил себе в непременную обязанность изъяснить предвидимые мною случаи и быть в готовности выполнять с строжайшею точностью посылаемые мне повеления»²⁵.

М.И. Платов также видел ряд препятствий для осуществления операции. Он считал, что «летучему корпусу» придется действовать в ослабленном составе: в Белостоке оставлен полк И.Д. Иловайского 4-го, а по кордонам в Белостокской области (от Гродно влево через Добровольщизну и Тикочин до Суража) разбросан отряд казаков до 500 человек. При этом расстояние от Гродно (не говоря от Белостока) до Мереча большое и поэтому «в случае переправы чрез реку Неман неприятеля и действия моего ему во фланг» эти части едва ли успеют присоединиться к корпусу. Объединение всех сил М.И. Платов считал необходимым, поскольку войска противника приближались к российской границе: от Августова они передвинулись к местечкам Сапоцкино, Сейны и Липск²⁶.

Поэтому М.И. Платов просил передать Белосток и дистанцию по границе, хотя бы от Суража, войскам 2-й Западной армии, а от Добровольщизны по р. Лососне до Мереча пограничные кордоны займут полки его корпуса. О том же он писал П.И. Багратиону: за приказом идти к Гродно «нахожу, что состояние пограничных кордонов под ведением моим уже неудобно»²⁷.

Когда стало известно о количестве войск Великой армии, переправившихся через Неман, военный министр отказался от идеи «диверсии» и приказал М.И. Платову немедленно отступить. Однако атаман мешкал, поскольку князь П.И. Багратион планировал использовать казаков для наступления в тыл противника. «При открытии военных действий, – вспоминал генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии М.С. Вистицкий, – предложил [П.И. Багратион] Государю ударить с 2 армиею и с казаками в тыл неприятелю, между тем как 1 армия его будет атаковать, но на сие не получено Высочайшего соизволения, а назначено 1 и 2 армиям соединиться при Дриссе»²⁸.

В своих письмах к М.И. Платову П.И. Багратион убеждал его в возможности и успешности подобной операции, и атаман, будучи младше в чине, вынужден был оставаться на месте. Сам М.И. Платов по этому поводу писал: «Предписанное мне отступление от Гродно для действия на помянутый фланг неприятеля я в течение двух минувших дней не решился делать потому, что по разведыванию моему до местечка Мереча вниз по Неману нигде не примечено, чтобы неприятель, переправляясь через сию реку, тянулся внутрь границ наших, а только один и тот же слух, что он переправился у Ковно; но следует ли к Вильно, достоверного известия нет; и как от генерал-лейтенанта

графа Шувалова, так и от авангардного его генерал-майора Дорохова, которого посты смыкаются с моими, я такового не имею...»²⁹.

14 июня 1812 г. П.И. Багратион ещё раз обратил внимание военного министра на «невыгоды к соединению, ежели обеспечивая и подкрепляя тыл ген. от кав. Платова у Гродно сосредоточивающегося, должен я буду отступить чрез Минск к Борисову»³⁰. Князь просил М.Б. Барклая де Толли немедленно уведомить императора о дислокации войск 2-й Западной армии, готовности их выполнить приказ и взаимодействии с М.И. Платовым. П.И. Багратион требовал безотлагательно подтвердить порядок действий: «Если благоугодно Государю Императору, чтобы вторая армия, следуя прежде данным мною предписаниям подкрепляя и защищая фланг ген. от кав. Платова, сохранила между тем верное сношение с 1-й армией, то поспешите разрешить... чтобы я мог в ту минуту, собрав за Шару (Щару. – А.Л.) свои силы, отступить до Минска и сам упредить неприятеля»³¹.

Заявляя о готовности выполнить приказ об отступлении, П.И. Багратион в то же время настаивал на наступлении: «Но если бы благоугодно было Его Императорскому Величеству сделать *диверсию*, по сердечным чувствам и по духу известного мне воинства Российского выгоднейшую, которая иметь будет особенное влияние на всю Польшу и на движение союзных армий неприятельских, то я прошу разрешения, чтобы с корпусом генерала Платова и армией мне вверенною, которой соберётся под ружьем до сорока тысяч, позволено было идти через Белосток, Остроленку в Варшаву»³².

Князь намеревался совершить «диверсию» в Княжество Варшавское, зная, что противник многократно сильнее его. Тем не менее он надеялся, что успеет отойти, но уже не на Борисов, а на юг, к А.П. Тормасову³³. «Поражая и истребляя неприятеля в сих местах противу меня между Влодавы и Тикочина расположенного, – писал П.И. Багратион, – если, наконец, я найду себя в необходимости от превосходнейшего несравненно в силах уступать, и разумеется уже не к Борисову, то ещё буду иметь время воспользоваться сим чрез Брест-Литовский и соединиться с ген. от кав. Тормасовым, который по уважению к сему должен будет идти к Бресту, чтобы совокупно отразить силы неприятеля, под командою принца Шварценберга и других начальников польских там состоящие»³⁴.

Однако идеи главнокомандующего 2-й Западной армией о наступательных действиях не были одобрены М.Б. Барклаем де Толли

и императором. Во-первых, намерения П.И. Багратиона совершить диверсию на Варшаву противоречили планам отступления российских армий к укрепленному лагерю в Дриссе. Во-вторых, военный министр прекрасно понимал, что в случае наступления в Княжество Варшавское, 2-я Западная армия неминуемо попадет в мышеловку, которую ей готовил Наполеон, и запретил князю атаковать. От имени императора он снова отдал приказ немедленно отступить.

То, что российские войска попытаются совершить марш-бросок к Варшаве, Наполеон предвидел накануне кампании 1812 года. Ещё в письмах от 26 мая и 5 июня брату Жерому Бонапарту он излагал концепцию боевых действий следующим образом: «Я поручаю вам защиту мостов в Пултуске и Сироцке, на Нареве и Буге, потому что в моём выдвигении я дам неприятелю возможность наступать до Варшавы...»³⁵. Ещё яснее Наполеон выражался в следующем письме, где он рекомендовал брату «заставить всех предполагать, что вы будете двигаться на Волынь и приковать противника как можно дальше к этой провинции, в то время как я обойду его правый фланг... Я перейду Неман и займу Вильну, которая будет первой целью кампании... Когда этот манёвр будет замечен неприятелем, он будет либо соединяться... чтобы дать нам битву, либо сам начнет наступление... Во втором случае, когда... враг будет под стенами Праги (предместье Варшавы. – *А.Л.*) и на берегах Вислы... я охвачу его... и вся его армия будет сброшена в Вислу...»³⁶.

Наконец, даже 10 июня 1812 г. в письме, адресованном А. Бертье, император выражал уверенность, что российские войска вторгнутся в Княжество Варшавское с целью овладеть его столицей: «В то время как враг углубится в операции, которые не дадут ему никакого выигрыша, ибо по здравому рассуждению он упрётся в Вислу и проиграет нам несколько маршей, левое крыло нашей армии, которое должно перейти Неман, обрушится на его фланг и на тылы раньше, чем он сможет отступить...»³⁷. Таким образом, Наполеон в первых числах июня 1812 г. был уверен, что российская армия будет контратаковать. И, как оказалось, император французов не так уж и заблуждался, судя по намерениям П.И. Багратиона.

Впрочем, несмотря на неоднократные приказы отступать, П.И. Багратион ещё несколько дней стоял на месте. И М.И. Платов, и П.И. Багратион начали отвод своих войск с опозданием: 17 июня атаман двинулся к Щучину и Лиде, а князь 18 июня – на

Слоним. При этом казачьи полки, несшие кордонную службу, также получили приказ отходить. В частности, П.И. Багратион приказал генералу Н.В. Иловайскому 5-му снять кордоны на границе, отступить через Пружаны и Слоним, и в четыре перехода соединиться с армией. После этого главнокомандующий планировал все казачьи полки 2-й Западной армии переправить на свой левый фланг в подкрепление корпуса М.И. Платова. В свою очередь, атаман приказал полкам на кордоне от Гродно до Мереча отходить к Лиде, а полкам И.Д. Иловайского 4-го – на Малую Берестовицу и Белицу. Однако отход атаман разрешал только в случае снятия кордонов полком В.А. Сысоева 3-го и отступлением из Заблудова отряда генерал-адъютанта И.В. Васильчикова из состава 2-й Западной армии³⁸.

В итоге запаздывание отступления корпуса М.И. Платова и 2-й Западной армии срывало стратегические планы российского командования. Неудивительно, что военный министр всю ответственность за вероятный провал операции по объединению армий возлагал на этих генералов. 17 июня 1812 г. в письме императору Александру I он отмечал: «... Крайне неприятно видеть, что князь Багратион, вместо немедленного исполнения приказаний Вашего Императорского Величества, *теряет время на излишние рассуждения*, и сообщая ещё их генералу Платову, *сбивает с толку этого генерала, который и без того так мало знает и совершенно не развитой*»³⁹.

И хотя М.Б. Барклай де Толли надеялся, что генералы быстрыми переходами наверстают упущенное время, этого им не удалось сделать. Группа войск во главе с вице-королем Италии Е. Богарне, вступившая в пределы Российской империи через Прены, отрезала М.И. Платова от 1-й Западной армии, и он был вынужден отступать вместе с армией П.И. Багратиона. «Переходом неприятеля через Неман отрезаны были казачьи полки Платова и отряд генерала Дорохова»⁴⁰, – констатировал М.С. Вистицкий. Над 2-й Западной армией нависла угроза окружения и уничтожения.

Таким образом, несмотря на сближение Западных армий в мае 1812 г., российское командование не имело точных данных о стратегических планах противника и месте главного удара. Поэтому оно было вынуждено «на ходу» вносить коррективы в дислокацию войск в приграничных районах. Сведения о сосредоточении большей части Великой армии между Ковно и Меречем вызвали новые распоряжения о ещё большем сближении 1-й и 2-й Западных армий. Поэтому через

несколько дней после прибытия 2-й Западной армии к Пружанам в первых числах июня 1812 г. она была передислоцирована в район Волковыска.

Проект операции по охвату противника во время его переправы через Неман (июнь 1812 г.) был предложен военным министром, исходя из предварительных разведанных о силах врага. После получения более достоверной информации о численности наполеоновских войск от осуществления этого проекта отказались. В то же время замыслы П.И. Багратиона по проведению наступательной операции против войск, сосредоточенных в Княжестве Варшавском, противоречили планам отступления российских армий к укрепленному лагерю в Дриссе. Более того, в случае наступления на Варшаву 2-я Западная армия неминуемо попала бы в мышеловку, которую ей готовил Наполеон, и могла быть разгромлена на начальном этапе войны. Ошибочные суждения военачальника стали следствием недостатка информации в вопросах, касающихся стратегического замысла главного командования. Всё это подтверждает мнение, что оперативное планирование замыкалось исключительно на императоре Александре I, который долгое время не мог принять окончательного решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-учёного архива (ВУА). СПб., 1909. Отд. I. Т. XII. С. 156; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собр. Государственного Исторического музея / Сост. Ф.А. Петров и др. М., 1992. С. 21.

² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XII. С. 156.

³ Столетие Военного министерства, 1802–1902: В 13 т. Т. 4: Главный штаб. Ист. очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. [Вып. 1]. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба до конца царствования Александра I включительно / Сост. П.А. Гейсман; ред. ист. очерка Гл. штаба Н.П. Михневич. СПб., 1902. С. 307; *Беляев В.* Начало войны 1812 года. (Апрель – июнь) // Воен.-ист. сборник. 1912. № 2. С. 69–96.

⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. СПб., 1910. С. 48.

⁵ Там же. Т. XIII. С. 17–18; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3506. Л. 74–75.

⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 18; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 21.

⁷ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 18.

⁸ 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Мате-

риалы Военно-учёного архива Главного штаба: В 4 вып. / Сост. В. Харкевич. Вильна, 1900. Вып. I. С. 182.

⁹ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 21.

¹⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 48–49.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² Там же.

¹³ Отечественная война в письмах современников (1812–1815) / Н. Дубровин // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1882. Т. 43. Прилож. С. 9.

¹⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 89; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 167–168; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 22.

¹⁵ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 22.

¹⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Там же. С. 107.

²² 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 28.

²³ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 124.

²⁴ Там же. С. 125.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 125–126; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 314.

²⁷ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 23.

²⁸ 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. С. 182–183.

²⁹ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 32.

³⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 131.

³¹ Там же. С. 132.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: *Соколов О.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 250. См.: *Correspondence de Napoleon I, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III.* P., 1868. Vol. 23. P. 435.

³⁶ Цит. по: *Соколов О.* Указ. соч. С. 250. См.: *Correspondance...* Vol. 23. P. 470–471.

³⁷ Цит. по: *Соколов О.* Указ. соч. С. 251. См.: *Correspondance...* Vol. 23. P. 480.

³⁸ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 32–33.

³⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 174–175; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3504. (Ч. 1). Л. 79.

⁴⁰ 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. С. 182.